

Николай Плотников

От «социализма с человеческим лицом» к «национальному социализму»

ДИСКУРСЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Nikolai Plotnikov

From "Socialism with a Human Face" to "National Socialism." Discourses of Justice in Post-Soviet Russia

Николай Плотников (Рурский университет Бохума, профессор по русской культурной и интеллектуальной истории Института русской культуры им. Ю.М. Лотмана; доктор философии) nikolaj.plotnikov@rub.de.

Nikolai Plotnikov (PhD; Professor for Russian Cultural and Intellectual History at the Yu.M. Lotman Institute of Russian Culture Ruhr University of Bochum) nikolaj.plotnikov@rub.de.

Ключевые слова: справедливость, советский дискурс, научный дискурс, перестройка, социальная теория, национализм, культурная идентичность

Key words: justice, Soviet discourse, scientific discourse, Perestroika, social theory, nationalism, cultural identity

УДК: 81.42+32.019.5+316.7

DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_166

УДК/UDC: 81.42+32.019.5+316.7

DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_166

В статье рассматриваются основные этапы и траектории дискуссий о справедливости в философии и социальных науках после перестройки. Вопреки распространенному представлению о советском режиме, понятие справедливости никогда не было элементом советского идеологического словаря и отсутствовало в лексиконе социальных наук. Лишь в эпоху перестройки оно становится не только ключевым понятием официальной риторики власти, но и лозунгом протеста против системы. Напротив, в постсоветской социальной теории не сформировалось никакого специального интереса к проблематике справедливости за пределами лобового столкновения либерализма и социализма, как политического, так и философского. Только в последнее десятилетие в контексте формирования новых протестных движений в России существенно увеличивается теоретический интерес к проблеме справедливости, который свидетельствует о формировании новой парадигмы в социальной теории.

The article examines the main stages and trajectories of discussions about justice in philosophy and social sciences after perestroika. Contrary to the popular perception of the Soviet regime, the concept of justice was never an element of the Soviet ideological vocabulary and was absent from the lexicon of the social sciences. Only in the era of perestroika it became not only a key concept in the government's official rhetoric, but also a slogan of protest against the system. On the contrary, post-Soviet social theory has not developed any special interest in the problem of justice beyond the head-on collision of liberalism and socialism, both political and philosophical. Only in the last decade, in the context of the formation of new protest movements in Russia, there has been a significant increase in theoretical interest in the problem of justice, which indicates the formation of a new paradigm in social theory.

Понятие справедливости в социальных науках и в публичном дискурсе

В социальных науках и философии понятие справедливости является одним из ключевых инструментов нормативного реконструирования социальной реальности. С его помощью формулируется не только этически и социально

значимый образ будущего, но и анализируется фактически существующий нормативный каркас социальных отношений, регулирующий распределение благ, бремени, обязанностей и привилегий в обществе. Из взаимодействия этих двух перспектив рассмотрения социальной реальности — нормативной и фактической — возникает представление о множественности критериев и принципов справедливости, ошибочно принимаемое за утверждение о полном релятивизме справедливости, которая якобы «у каждого своя».

Но, будучи аналитической категорией для постижения социальной реальности, «справедливость» является вместе с тем и понятием публичного политического и общественного дискурса, которое объединяет вокруг себя социальные группы и мотивирует к политическим действиям. Используя известную формулу «истории понятий» Р. Козеллека, можно утверждать, что понятие справедливости является не только «индикатором» изменений социального опыта, но также и «фактором», определяющим их направление и динамику. В этом двойном качестве оно представляет собой одновременно и элемент социального знания, и элемент дискурсивно оформленной социальной фактичности. Поэтому анализ его семантических трансформаций позволяет понять как эволюцию социального знания, так и изменения общественного дискурса.

Чтобы точнее уяснить функции данного понятия в этих двух его ипостасях, нужно ответить на вопросы, при каких условиях и в какие периоды оно приобретает характер ключевого, то есть становится ареной борьбы и средством публичного самоопределения различных социальных субъектов, которые используют его как необходимый элемент своей картины мира и своего образа будущего.

Если рассмотреть понятие справедливости под углом зрения этих вопросов, то можно констатировать, что оно приобретает свою актуальность всякий раз, когда в публичном пространстве артикулируются конфликты по поводу легитимации различных нормативных порядков. Понятие справедливости — это *индикатор конфликтов*. Но важно подчеркнуть, что это не конфликты интересов, притязаний или предпочтений отдельных индивидов и групп, так как такие конфликты всегда могут найти свое разрешение в рамках уже существующих нормативных порядков (права, морали, политики, религии, экономики). Апелляция к справедливости сигнализирует, что налицо конфликт между самими нормативными порядками, поскольку в каждом из них утверждается собственный принцип разрешения социальных противоречий, а также устанавливается инстанция для нахождения баланса интересов (суд, совесть, рынок, государство). Существующий в обществе плюрализм нормативных порядков и конкуренция между ними в процессе решения социальных конфликтов приводит к вопросу об основаниях этих порядков и их претензий на значимость и легитимность. Еще более остро вопрос о легитимности порядков ставится в ситуациях их кризиса, распада или вырождения, когда они очевидным для большинства образом перестают выполнять функцию разрешения конфликтов и установления баланса интересов. Именно в этой ситуации конфликта порядков или их разложения усиливаются сомнения в их способности выступать «независимым арбитром» или, попросту говоря, в их «справедливости». В таких случаях множатся требования «справедливого суда», «честных выборов», «справедливого распределения», «достойного существования» и другие лозунги, свидетельствующие о признании существующих нормативных порядков «несправедливыми». Иначе говоря, с помощью понятия справедливости формулируется поиск независимого масштаба и критериев, на основании которых те или иные нормативные

инстанции в обществе определяются как способные разрешать социальные конфликты. В ходе возникающих таким образом *дискурсов справедливости* ставится под вопрос не тот или иной отдельный элемент нормативного порядка, но сами основания этого порядка — например, кто вправе выступать в качестве субъекта разрешения конфликта, какая инстанция является «оператором» осуществления справедливости и какой принцип справедливости должен быть принят в качестве критерия, полагаемого в основание нормативного порядка¹.

Как показывают свидетельства европейской интеллектуальной истории, проанализированные историком права Паоло Проди [Проди 2017], высокая конъюнктура этого понятия в истории Запада является следствием непрерывной конкуренции различных нормативных порядков, учреждавших справедливость, к каковым относятся государство, церковь, институты публичной сферы (Проди называет их «форумами»). Каждый из этих «форумов» не только разрабатывал собственное понятие о справедливости, но также и создавал образ институтов, ее воплощающих, и критерии, согласно которым тот или иной порядок вещей следует признать справедливым.

В России превращение этого понятия в ключевое следует отнести к периоду после Великих реформ вплоть до революций 1905 и 1917 годов, который также следует охарактеризовать как состояние нормативного конфликта порядков. Именно в этот период позитивное право самодержавного государства вступает в резкое противоречие с обычным правом, господствующим в сознании крестьянства в представлениях о собственности на землю². Здесь «правда» вступает в конфликт с «законом» (отсюда, кстати, и начинается свой путь миф об особой роли слова «правда» в русской культуре).

Резюмируя размышления о функции понятия справедливости, можно утверждать, что в качестве маркера нормативного конфликта оно включает всегда два аспекта, которые могут быть выражены с разной степенью отчетливости. Оно обозначает, с одной стороны, требование выйти за пределы того или иного нормативного порядка, внутренние правила которого не позволяют соответствовать некоему масштабу справедливости. С другой стороны, это понятие всегда подразумевает создания нового порядка, в котором справедливость получила бы институциональное воплощение.

Этот двойной вектор (назовем два его направления *революционным* и *институциональным*) явным или неявным образом присутствует в каждом понятии справедливости. Даже в такой институционалистски ориентированной концепции, как теория справедливости Дж. Ролза, мы встречаемся с ним. С одной стороны, Ролз признает, что справедливость является «высшей добродетелью институтов» и реализуема только в какой-то институциональной среде, прежде всего в государстве. Но вместе с тем, чтобы определить содержание своего прин-

-
- 1 Подробнее о понятии справедливости в рамках публичных дискурсов см.: [Frazer 2007]. Нэнси Фрэйзер, опираясь на теорию научных революций Т. Куна и типологию дискурсов Р. Рорти, различает два понимания справедливости — одно, характерное для «нормального дискурса», легитимирующего статус-кво, и другое, возникающее в ситуации «аномального» или «революционного дискурса». Нетрудно заметить асимметрию двух этих пониманий, поскольку в ситуации «нормального дискурса» вопрос о «справедливости» существующего порядка, как правило, не ставится. Речь о «несправедливости» и, соответственно, поиске иной «справедливости» всегда является маркером «аномального дискурса», артикулирующего сомнения в справедливости статус-кво.
 - 2 См. об этом конфликте: [Медушевский 2014].

ципа справедливости, он конструирует воображаемую ситуацию «первоначального состояния», свободного от какого-либо институционального дизайна, в котором индивиды принимают решение о том, какие институты могут вообще рассматриваться как справедливые. Опасность, имплицитно заключенная в этом понятии, состоит в том, что один из этих векторов может трансформироваться в доминирующий, в силу чего возникает дилемма институтов, лишенных справедливости, либо справедливости, реализуемой помимо институтов.

История постсоветского периода демонстрирует циклическое движение от одной из этих опасностей к другой. Отталкиваясь от нормативных конфликтов эпохи перестройки, дискурс справедливости, как в публичном пространстве, так и в социальных науках, развивается в постсоветский период сначала в направлении «диктатуры закона» или господства легальной процедуры над справедливостью. Но затем, когда «диктатура закона» все более становится просто диктатурой, озабоченной лишь сохранением и расширением власти, вопреки всем легальным рамкам, она генерирует новый нормативный конфликт, в ходе которого она сама в целях легитимации вынуждена прибегать к идее национальной «правды и справедливости», разрушая основы легального порядка. А вместе с тем такая диктатура порождает и «своего могильщика» в лице общественных групп и движений, обращающих новый дискурс «справедливости» как «честности» против господствующего порядка и требующих нового институционального дизайна для воплощения справедливости. Таким образом, анализ стратегий употребления и семантических сдвигов понятия справедливости позволяет нам понять характер и вектор развития нормативных конфликтов в постсоветской России за тридцать лет вплоть до 24 февраля 2022 года.

Справедливость в публичном дискурсе перестройки

Чтобы понять особое место эпохи перестройки (1985—1991) в истории дискурса справедливости в России, необходимо учесть тот *семантический разрыв с предшествующим советским периодом*, который происходит с началом перестройки. Свидетельством такого разрыва является уже сам факт небывалого увеличения частоты употребления этого понятия, а также появление в публичной сфере плюрализма пониманий справедливости, свидетельствующее о формировании в обществе разных векторов отношения к нормативным порядкам советского режима.

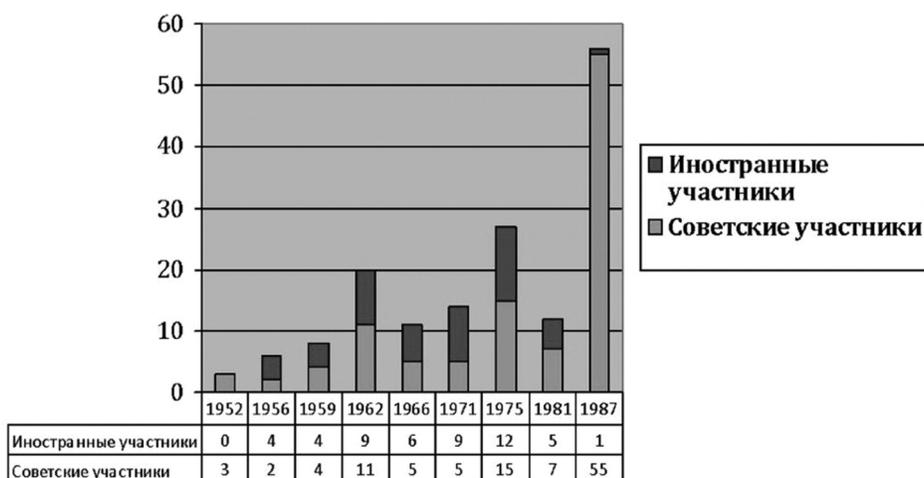
Но самым важным индикатором семантического разрыва является то, что понятие справедливости *впервые начинает* активно использоваться в господствующем идеологическом дискурсе для легитимации нового курса. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть в противоположность широко распространенному мнению, связывающему понятие социальной справедливости с советским режимом в целом, — в период до перестройки это понятие *не входит в активный идеологический словарь советского режима*. Иначе говоря, «справедливость» не является «советским» понятием.

Представление о советской системе как «воплощении социальной справедливости» — это идеологическая конструкция, возникшая на гребне хрущевской оттепели, но детально разработанная лишь в период перестройки. Напротив, весь прежний советский идеологический дискурс, сложившийся с момента прихода к власти большевиков в 1917 году, не пользуется этим понятием в целях

самоописания, а если использует его, то маркирует как классово чуждое, буржуазное понятие, обозначающее лишь фиктивное «формальное равенство»³. В этом советский дискурс оказывается преемником классического марксизма, для которого семантика понятия справедливости исчерпывалась формальным равенством буржуазного права⁴.

До периода оттепели, то есть до середины 1950-х годов, советские энциклопедии, политические и философские словари не содержат специальных статей о понятии «справедливость». Впервые статья с таким названием появляется во втором издании «Большой советской энциклопедии» 1957 года⁵, в «Философском словаре» (под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина) статья «Справедливость и несправедливость» появляется лишь в расширенном издании 1963 года⁶, а в «Философской энциклопедии» только в 1970 году⁷.

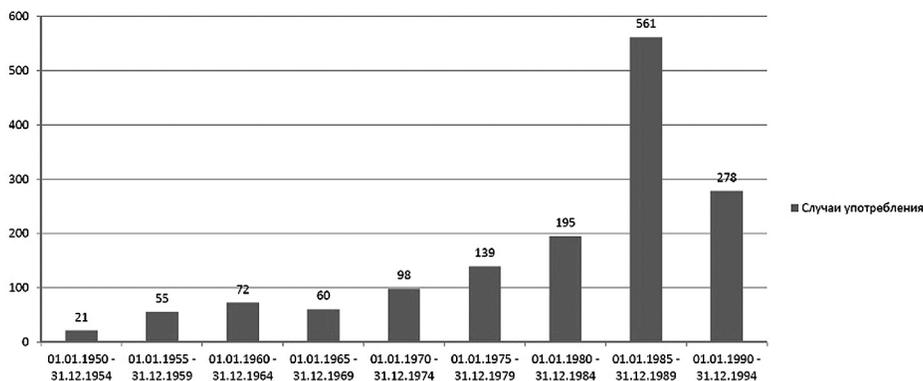
Аналогичную картину (ил. 1) дает анализ статистики употребления в стенограммах съездов КПСС (с XIX съезда в 1952-м по XXVII съезд в 1987 году). Обращает на себя внимание резкий рост использования слова «справедливость» на последнем XXVII съезде КПСС (55 случаев при прежнем спектре от 3 до 27 на предыдущих съездах), свидетельствующий о том, что оно приобретает важную функцию в идеологическом самоописании режима.

Ил. 1. Статистика понятия «справедливость» в стенограммах съездов КПСС (с XIX съезда в 1952-м по XXVII съезд в 1987 году). Составитель Николай Плотников

- 3 Ср. статью «Справедливость» в кн.: Энциклопедия государства и права. Т. 3 / Под ред. П. Стучка. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1925—1927. С. 1030—1035.
- 4 О семантике «справедливости» у Маркса, Энгельса и в советском марксизме см.: [Кюпен 2019].
- 5 В первом издании «Малой советской энциклопедии» (Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1930. С. 311) имеется только статья «Справедливая цена». В первом издании «Большой советской энциклопедии» (Т. 52. М.: Советская энциклопедия, 1947. Ст. 454—465) — статья «Справедливые и несправедливые войны».
- 6 Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Политиздат, 1963. С. 430. Предыдущие четыре издания выходили с 1939 по 1955 год под названием «Краткий философский словарь» и не содержали статьи «Справедливость».
- 7 Философская энциклопедия. Т. 5 / Под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 119—120.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что практически половина случаев использования этого слова в материалах съездов до 1987 года относится к приветственным речам делегатов от иностранных и прежде всего европейских коммунистических партий. Именно для носителей европейского политического дискурса было вполне естественным связывать идею социализма с концептом «социальной справедливости», в силу чего они описывали и преимущества советского строя в привычных для них формулировках. И без сомнения, это обстоятельство сыграло немаловажную роль в переориентации советского идеологического дискурса на европейскую модель «социализма с человеческим лицом», которая стала определяющей после прихода к власти М.С. Горбачева. Провозглашенному Горбачевым и его единомышленниками «новому мышлению»⁸ принадлежит центральная роль в радикальном изменении идеологического словаря советской системы, в результате которого социализм в СССР переписывается в свете категории «социальной справедливости».

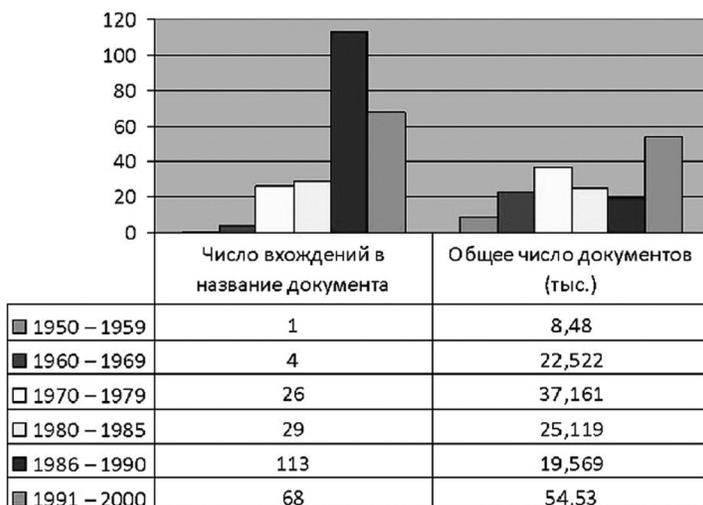
Ил. 2. Статистика словосочетания «социальная справедливость» в газете «Правда» (561 случай употребления в период с 1985 по 1989 годы). Составитель Николай Плотников

Этот семантический сдвиг тоже фиксируется языковой статистикой. Как показывает анализ случаев употребления данного словосочетания в газете «Правда»⁹, период перестройки резко отличается от всех советских послевоенных лет особенно высокой частотой (561 случай употребления в период с 1985 по 1989 годы, см. *ил. 2*), что свидетельствует о переформатировании идеологического дискурса¹⁰. Характерно, что и сборник цитат классиков марксизма-ленинизма, всегда бывший незаменимым средством для идеологической ра-

-
- 8 Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988.
- 9 Анализ проведен на основе базы данных газеты «Правда»: Pravda Digital Archive (<https://www.nypl.org/research/collections/articles-databases/pravda-digital-archive> (дата обращения: 20.10.2022)).
- 10 Первая статья, специально посвященная теме «социальной справедливости», вышла в «Правде» лишь в 1983 году (в рубрике «Вопросы теории»): Колесников С., Усанов В. Социализм: грани социальной справедливости // Правда. 1983. 11 ноября. С. 2–3. В Национальном корпусе русского языка первое вхождение словосочетания «социальная справедливость» (в советских, а не эмигрантских текстах) датируется 1987 годом.

боты пропагандистов в любой отрасли экономики, политики, науки и общественной жизни¹¹, на тему «о социальной справедливости» было составлен лишь в 1987 году¹².

Трансформация публичного дискурса в период перестройки, переопределяющего идеологическую линию партии в категориях социальной справедливости, приводит, разумеется, и к изменениям в социальных науках и философии, которые оперативно откликаются на новый запрос многочисленными публикациями о преимуществах социалистической справедливости и с критикой буржуазных теорий справедливости [Заславская 1986; Руткевич 1986; Социализм 1988; Давидович 1989]. Согласно базе данных диссертаций РГБ, охватывающей период с 1945 года, самая первая диссертация на темы, имеющие в названии слово «справедливость», была защищена в 1967 году и затем ежегодно (с перерывами) защищалась одна диссертация на такую тему. Но в 1987 году защищено было уже три диссертации, а в 1989-м — сразу семь диссертаций о справедливости (1990 — 6, 1991 — 5, 1992 — 2, и дальше снова одна-две защиты в год). Еще более наглядную картину дает статистика названий книг и статей по юридическим и социальным наукам, собранных в базе данных Юридической научной библиотеки издательства «Спарк» (см. *ил. 3*)¹³. Период с 1986 по 1990 год дает самое высокое число публикаций за всю вторую половину XX века.

Ил. 3. Статистика понятия «справедливость» в юридической литературе в период с 1950 по 2000 годы (на основе базы данных Юридической научной библиотеки издательства «Спарк»). Составитель Николай Плотников

- 11 Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О биологии. М.: Партиздат, 1933; Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин об ирригации / Ин-т истории компартии при ЦК КП(б). Уз. Филиал ИМЭЛ. Ташкент: Узпартиздат, 1940; Классики марксизма-ленинизма о лесной промышленности. М., 1969; Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О женском вопросе / Сост. В.Л. Бильшай М.: Политиздат, 1971 и многие другие.
- 12 Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О социальной справедливости / Сост. С.В. Колесников, В.И. Усанов. М.: Политиздат, 1987.
- 13 <http://lawlibrary.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).

Все эти данные, свидетельствующие о неожиданном всплеске интереса к проблематике справедливости в публичной сфере и в социальных науках, являются следствиями не только изменения идеологического фасада власти. Они свидетельствуют о формировании *нормативного конфликта* в обществе, при котором активность социальных групп и их стремление к признанию уже не может быть найдено удовлетворения в прежней системе, а требует новых нормативных форм социальной, политической и экономической организации¹⁴. Попытка власти возглавить эти изменения, провозгласив перестройку «продолжением революции»¹⁵, порождает, однако, еще более мощную волну социальной активности, для которой идеал «социализма с человеческим лицом», лозунг «Больше социализма!»¹⁶ и «новое мышление», постулирующее приоритет «общечеловеческих ценностей над классовыми», уже перестает быть рамкой апелляции к социальной справедливости.

Начинает подвергаться критике самое ядро социалистического принципа распределения — «оплата по труду» — в силу его неэффективности, хотя представления об альтернативах социалистическому распределению пока еще не выходят за пределы воспоминаний о НЭПе и его преимуществах, искаженных сталинской системой, а затем и в период «застоя»¹⁷. Эта критика получает мощную поддержку в ходе публичного обличения «привилегий» партийной номенклатуры. Тема «борьбы с привилегиями» становится одним из главных драйверов публичной дискуссии в период перестройки¹⁸.

Другой отличительной особенностью дискурса эпохи перестройки является значительное расширение темы справедливости далеко за пределы собственно проблем экономического распределения (зарплата, общественных благ). С помощью категории справедливости начинают артикулироваться вопросы социальных лифтов, доступа к культурным благам, стремления к национальной автономии и открытости границ¹⁹. А с расширением «гласности» и публи-

14 Кур-Королева характеризует «перестройку» как «кризис справедливости» [Kuhr-Korolev 2019].

15 Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. 1917—1987. М.: Политиздат, 1987.

16 Ср.: «Мы исходим из того, что нам нужно больше динамизма, больше социальной справедливости, больше демократии — словом, больше социализма. В этом главный источник и резерв ускорения развития общества» (Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в Венгерскую Народную Республику 8—9 июня 1986 года // М.С. Горбачев. Собрание сочинений: в 28 т. Т. 4 / Ред. М.М. Беляев. М.: Весь мир, 2008. С. 147—156).

17 См.: Моисеев Н. Зачем дорога, если она не ведет к храму // Иного не дано. Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему / Под общ. ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 51—75. Также см.: Римашиевская Н.М. Справедливость или равенство? // В человеческом измерении / Ред. А.Г. Вишневский. М.: Прогресс, 1989. С. 364—377.

18 О «борьбе с привилегиями» как центральном элементе требований «справедливости» в эпоху перестройки см.: [Kuhr-Korolev 2015].

19 Ср.: Запись беседы М.С. Горбачева с председателем Государственного совета Польской народной республики В. Ярузельским // Архив национальной безопасности. Русские программы (<https://nsarchive.gwu.edu/document/25468-17-zapis-besedy-ms-gorbacheva-s-predsedatelem-gosudarst> (дата обращения: 10.10.2022)): «Когда мы говорим о социальной справедливости, то имеем в виду не только зарплату. Справедливость должна быть и в продвижении по службе, в доступе к сокровищницам культуры, в поездках за границу и т.д.».

кацией документов о политических репрессиях сначала сталинского, а затем и ленинского периода одной из ключевых тем становится публичной дискуссии «восстановление исторической справедливости» и реабилитация жертв советского государственного террора²⁰. Тем самым обсуждение репрессий выходит далеко за рамки господствовавшего легалистского дискурса «соблюдения социалистической законности», практиковавшегося со времен оттепели и речи Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, смыкаясь с требованиями правозащитного движения соблюдать универсальные права человека, имеющие сверхпозитивный статус.

Но помимо значительного семантического расширения этого понятия, как в публичном дискурсе, так и в социальном знании характерной чертой перестройки становится публичная «война слов» (см.: [Менцель 2006]). Семантика справедливости выходит из-под контроля официальной идеологии и становится полем дискурсивного конфликта, в котором выражается конфликт нормативный, то есть борьба общественных групп не за отдельные требования и интересы, а за само право выступать с требованием справедливости и от ее имени. Теперь уже не только сама власть стремится оправдать свой курс с помощью лозунгов справедливости, но и формирующаяся оппозиция использует их как рычаг фундаментальной социальной критики, взламывающей систему. Не только Горбачев, но и Ельцин выдвигает «восстановление социальной справедливости»²¹ в качестве своего основного лозунга.

Разрыв между советским и постсоветским дискурсом. Поиски нового языка легитимации

Распад Советского Союза и начало экономических реформ в России сопровождалось почти молниеносным изменением всей конфигурации дискурса справедливости. По отношению к такому изменению оправданно говорить о разрыве между советским и постсоветским дискурсом.

В публичной сфере происходило не только сокращение частоты использования понятия «справедливость», что свидетельствовало об отказе от него как ключевого понятия идеологического словаря²², но изменяется функциональный статус этого понятия — с момента начала реформ оно последовательно

20 Ср., например, хронологический обзор: [Общественная жизнь Ленинграда 2009: 69, 195, 245, 497].

21 Баллотировавшись на пост президента РСФСР в июне 1991 года, Б.Н. Ельцин провозгласил: «Восстановление социальной справедливости, повышение всеми доступными средствами жизненного уровня народа — и есть центральный пункт в моей программе» [Россия сегодня 1991: 332]. Ср. также его расширенную трактовку справедливости: «Принципы социалистической справедливости измеряются не только рублем, дачей или престижной путевкой. И это, разумеется, важно, но я хочу сказать о другом. Мы духовно задавили человека. Он оказался под прессом дугих авторитетов, приказаний, непререкаемых распоряжений, бесконечного количества постановлений и т.д. Мы приучили людей к единодушию, а не к единодушию. Разве это социально справедливо?» [Горбачев — Ельцин 1992: 97].

22 Указанные выше статистики понятия «справедливость» в публичном дискурсе (газета «Правда». Ил. 2) и социальных науках (публикации в базе данных издательства «Спарк». Ил. 3) фиксируют спад его использования после 1991 года.

маркируется как «советское» и тем самым как подлежащее устранению из набора ценностей, легитимирующих либеральные реформы постсоветской России. Один из архитекторов этих либеральных реформ, Анатолий Чубайс, в одном из мемуарных свидетельств отчетливо характеризует этот ценностный выбор как отказ от понятия справедливости и от «советского культа справедливости»²³. В этом же смысле публицист Юлия Латынина писала в 1992 году об «атавизме социальной справедливости», противопоставляя ему саморегулирование общества посредством рынка²⁴. При этом как сам Чубайс и реформаторы, так и их оппоненты из среды коммунистической оппозиции, твердившие о том, что либеральная демократия исключает социальную справедливость²⁵, подразумевали под «советской справедливостью» некую мифологическую конструкцию, скрывающую тот факт, что система государственно-крепостнических отношений советского режима не имела ничего общего даже с тем редуцированным понятием справедливости, которое получило хождение в последнюю фазу существования СССР.

Однако, такое неприятие политической элитой этого понятия как пережитка советского мышления и в целом сужение семантики «справедливости» до «советской справедливости» явно противоречило не только представлениям населения, но и декларированной приверженности принципу социального государства, заложенному в Конституции Российской Федерации 1993 года по западным образцам, но под давлением Верховного Совета, находившегося под влиянием идей социализма. Этот разрыв между принципами, гарантированными конституцией, и политикой, ориентированной на экономические реформы, неоднократно создавал проблемы с легитимностью для правительства при президенте Ельцине.

В этом отношении показательно противостояние двух проектов Конституции — президентского проекта и проекта, составленного Конституционной комиссией Верховного Совета — проходящее, наряду с другими спорными вопросами (статуса президентской власти, федеративного принципа и т.д.) по линии отношения к принципу социального государства. Президентский проект С. Шахрая в первоначальном варианте вообще не предусматривал концепции социального государства. Но и после компромисса между разными проектами, и внесения в проект Конституции понятия социального государства, Шахрай продолжал предостерегать об опасностях расширения социальных функций государства и предпочитал говорить об «эффективном государстве»²⁶. Напротив, один из создателей конституционного проекта Верховного Совета РСФСР,

23 Чубайс А. «Представление о справедливости у народа мы сломали ваучерной приватизацией» // Авен П., Кох А. Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2013. С. 104. Фраза о «советском культе справедливости» принадлежит А. Коху.

24 Латынина Ю. Атавизм социальной справедливости // Век XX и мир. 1992. № 5. С. 11–17.

25 Ср.: «Демократия и все ее институты специально придуманы для того, чтобы исключить социальную справедливость и свободу для всех, для трудящихся. “Демократия”, “демократ”, “демагог” — все это всегда означает ложь, обман, лицемерие, фарисейство, намеренное воздействие на чувства и инстинкты масс» (Личев Т. Демократизация — это массовая кретинизация? // Завтра. 1993. Декабрь. № 5. Цит. по: [Гусейнов 2003: 130]).

26 Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М.: Наука, 2013. С. 260–261.

О.Г. Румянцев, в духе дискурса перестройки связывал основы конституционного строя с понятием социальной справедливости, признавая «императив справедливости» верховенствующим «над государством и законом»²⁷. Принятый в результате компромиссный вариант в отношении статей, вводящих понятие «достойной жизни»²⁸ и социальные права, традиционно связываемые с «императивом справедливости», отличался чрезвычайной неопределенностью, что дало повод последующим комментаторам Конституции РФ толковать их прямо противоположным образом — как в смысле утверждения, так и в смысле отрицания социальных прав и их конституционных гарантий²⁹.

Разрыв между декларируемыми принципами правового государства и политической реальностью уже нельзя было преодолеть только путем отказа от коммунистической системы и предотвращения опасности ее возвращения. Загорающийся порядок нуждался в новых основаниях для своей легитимации, а также в новой концептуализации, которая могла бы правдоподобно обрисовать картину будущего порядка, который должен был возникнуть в ходе либеральных реформ. Ведь чисто инструментальная интерпретация транзита в смысле «нормативности факта» не давала ответа на вопрос о нормативных основаниях нового политического порядка, то есть в каком смысле его можно считать «справедливым»³⁰. В горизонте этого инструментального мышления переход от плановой экономики к рыночной и от тоталитаризма к демократии артикулировался прежде всего как превращение России в «нормальную» страну, как переход к «рынку» и к тем отношениям, которые являются «естественными» для всякого «нормального» общества. Такая философия «естественного»³¹ как раз и оказывалась по существу признанием «нормативности факта», поскольку признавала проводимую политику не только как безальтернативную, но и нормативно оправданную тем, что она приближала к идеальному прообразу «западного» капитализма в том виде, как его понимали реформаторы.

Менее заметными в этом контексте, но зато более богатой последствиями были попытки самих реформаторов обратиться к внеинституциональным основаниям легитимности. Чтобы найти опору экономическим и политическим трансформациям, они обращались к тому, что А. де Токвиль назвал в свое время «привычками сердца», то есть к неформальным ресурсам общественной

27 Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления. М.: Юрист, 1994. С. 34. Формула «вера в добро и справедливость» из Преамбулы Конституции РФ — это тоже формулировка, взятая из проекта Конституционной комиссии, разрабатывавшегося Румянцевым.

28 См. об этом: [Плотников 2007].

29 Ср.: «К сожалению, такое право (на достойное существование. — Н.П.) в действующей Конституции РФ четко не обозначено. В ней лишь записано, что Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7). Как видим, указанные выше международные стандарты (то есть Всеобщая декларация прав человека 1948 года. — Н.П.) по данной важнейшей позиции не соблюдаются» [Матузов 2001: 301].

30 На сайте «Московский либертариум» (libertarium.ru) — интеллектуальном клубе поддержки реформ в 1990-е и начале 2000-х годов — понятие справедливости встречается только в контексте критики социализма в трудах теоретиков экономического либерализма, таких как Ф. фон Хайек и Й. Шумпеттер.

31 О постсоветской философии «естественного» см.: [Барабанов 2007].

солидарности, скрытым в повседневных отношениях людей, в общих традициях и обычаях. К этому ресурсу общих ценностей и традиций обращались и американские «коммунитаристы», когда критиковали формализм концепции справедливости у Дж. Ролза и подчеркивали, что представления о справедливых институтах в западных либеральных демократиях основываются на совместном историческом опыте отстаивания ценностей свободы и справедливости, а не являются лишь продуктом рациональной конструкции³².

Однако в России такое обращение к традиции само было продуктом властного конструирования, в большинстве своем имевшее характер романтической идеализации дореволюционных обычаев. Оно апеллировало к некоей придуманной реальности традиционного русского быта и языка, якобы сохранившегося в «народе» несмотря на десятилетия коммунистического террора. Тем не менее как форма дискурса, легитимирующего политику реформ в русле официально предписанного Ельциным в 1996 году «поиска национальной идеи» для России, они вызвали широкий отклик со стороны интеллектуальной публики и становились предметом многократного подражания.

К числу таких попыток относится работа в 1999—2005 годах по созданию русского общественно-политического языка, предпринятая одним из теоретиков либеральных реформ и автором идеи ваучерной приватизации В.А. Найшулем в рамках возглавляемого им Института национальной модели экономики. Результатом этой работы стал «Букварь Городской Руси. Семантический каркас русского общественно-политического языка (β-версия)»³³ — набор сентенций о политической структуре общества, выбранных из собрания пословиц и поговорок Даля, житий святых и прочей традиционной литературы, и структурированных по разделам: «Царь», «Русские люди» (с подрубриками: «Околоток», «Земля», «Отечество»), «Суд (правда)», «Другие люди» и проч. Этот продукт псевдолингвистического конструктивизма был призван засвидетельствовать присутствие в архетипах русского политического сознания ментальности, благоприятствующей либеральным реформам, и активизировать эту ментальность посредством заклинаний «нового общественно-политического языка».

Пример «Букваря» В. Найшуля, вполне серьезно обсуждавшегося в публичных дискуссиях клуба «Полит.ру», свидетельствует, что в контексте поиска «русских архетипов» ключевым становится понятие «правда», как наиболее адекватное выражение русского «чувства справедливости» и правосознания³⁴. Оно-то и начинает перенимать в постсоветский период функцию внеинститу-

32 Материалы полемики либералов с коммунитаристами см. в кн.: [Современный либерализм 1998].

33 Текст букваря доступен по адресу: <https://polit.ru/article/2006/02/02/bukvar/> (дата обращения: 10.10.2022).

34 Ср. главу в «Букваре» Найшуля: «Не в силе Бог, но в Правде! Люди ищут Правду. Земля очищается. Итак:
Верноподанные служат надеждой и опорой престола и Отечества.
Благонадежные хранят тишину и покой околотка и земли.
Законопослушные защищают закон и порядок царства и государства.
Царь и русские люди созывают собор.
Царь и русская земля назначают суд.
Царь и русский народ призывают стражу.
Так утверждается суд и правда».

ционального нормативного обоснования для складывающегося политического порядка, представляя его соответствующим неким глубинным пластам традиционного сознания³⁵.

Этот концепт «правды» еще и потому начинает играть центральную роль, что в нем постулируется связь нормативных принципов с религиозными ценностями, каковые для постсоветского сознания практически повсеместно оказываются синонимом морали и к тому же выступают в качестве эффективного заместителя прежних социалистических представлений о социальной справедливости.

Другим фактором, способствовавшим превращению понятия «правда» в ключевую религиозно-политическую идеологему, была подчеркнутая в нем национальная компонента. В российском культурном сознании прочно утвердился миф об уникальности русского слова «правда» как обозначения единства истины и справедливости, а также непереводаемости его на другие языки, что дополнительно питает сознание национальной исключительности. И как раз сочетание этих трех факторов — религиозного, политического и национального — делает понятие «правды» важным дискурсивным оператором в дебатах об основаниях нормативных порядков постсоветского периода. Триумфальная истории фразы «Не в силе Бог, а в Правде» (другой вариант «Сила в правде») из жития князя Александра Невского, транслированная в постсоветский контекст через рецепцию фильма С. Эйзенштейна, а также культового фильма «Брат-2», служит ярким индикатором религиозно-национальной «шовинизации»³⁶ понятия справедливости на рубеже XX—XXI веков.

Новый режим, установившийся после прихода к власти В.В. Путина в 2000-е годы, определял себя с самого начала через категорию «законности». Лозунг «диктатура закона», брошенный в период первой избирательной кампании Путина в 2000 году, делал акцент на укреплении легального порядка и соблюдении законов³⁷. Несмотря на свою внутреннюю противоречивость («диктатура» означает неограниченную власть, а суть «закона» — в ограниченном применении), этот лозунг отчетливо выражал понимание права нового режима, целиком сводящееся к юридическому позитивизму, который признает в качестве правовой нормы лишь властное установление. Все последующие идеологемы официальной риторики — «укрепление вертикали власти», «суверенная демократия» — также делали акцент на представлении, что единственным источником права является сильная власть, выступающая одновременно гарантом законности и стабильности.

«Справедливости» в этом властном дискурсе места не находилось вовсе. Собственно, он в ней и не нуждался, поскольку всякое недовольство и всякий

35 Критику мифологии «правды» как «типично русского концепта» см. в книге: [Правда 2011].

36 Этот эпитет использован при характеристике фильма: *Гладильщиков Ю.* «Брат 2» // Итоги. 2000. № 23. Июнь. С. 78—80.

37 Сама эта формула получает хождение и раньше в заявлениях региональных политиков. Она выглядит как неумелая попытка противопоставления «диктатуре пролетариата» коммунистов. См.: Диктатура закона — во имя достойной жизни: Послание Губернатора Д.Ф. Аяцкова жителям Саратовской области. Саратов: [Б.и.], 1997; Диктатура закона: общественно-правовое издание / Учредитель: ООО «ИКЦ». Самара, 2000; За диктатуру закона. Информационный бюллетень Алтайской краевой правозащитной общественной организации «Бастион». № 1. Барнаул, 1999.

протест, в тенденции способный вылиться в нормативный конфликт с существующим порядком, маргинализировался и нейтрализировался. Единственный случай, когда власть вынуждена была задействовать концепт «справедливости», имел место в 2005 году после неудачной попытки «монетизации льгот», массовых протестов против отмены натуральных льгот и привилегий (ветеранам, пенсионерам и другим группам) и замены их денежными выплатами. В реакции на эту реформу критика «несправедливости» и апелляция к «социальной справедливости» использовались далеко не только лишь одной левой оппозицией, но даже и церковью, которая в лице патриарха Алексия II осудила действия светской власти³⁸. Значимым фактом публичной дискуссии, развернувшейся после неудачи монетизации, стала также статья «Левый поворот» М. Ходорковского, в которой заключенный в тюрьму бизнесмен формулировал будущую политическую повестку и призывал создать новый баланс справедливости и свободы: «Новая российская власть должна будет решить вопросы левой повестки, удовлетворить набравшее неодолимую силу стремление народа к справедливости»³⁹.

И центральная власть, стараясь нейтрализовать возникший конфликт, стала ad hoc интегрировать (сутобо инструментально и лишь временно) риторику справедливости в господствующий дискурс в виде утверждения связки свободы и справедливости. В Послании Президента Федеральному собранию 25 апреля 2005 года слово «справедливость» и его варианты используется 17 раз, тогда как предыдущие (как и последующие) послания содержат не более одного-двух вхождений⁴⁰. В качестве реакции на общественное недовольство Кремль также сконструировал в 2006 году и новую социалистическую партию «Справедливая Россия» путем слияния прежней Партии пенсионеров, Партии жизни и партии «Родина», стремясь создать в Думе некое подобие двухпартийной системы, воплощающей баланс правополитической партии «Единая Россия» и левоцентристской партии «Справедливая Россия».

Но одновременно с социальным недовольством и протестом в 2000-е годы стал набирать силу и националистический протест, также открывавший для себя риторику справедливости. В этом дискурсивном поле общей рамкой семантики справедливости выступало требование «вернуть свое»⁴¹, направленное как против результатов либеральных реформ, якобы ущемляющих права и интересы особенно русского населения внутри страны, так и против терри-

38 «Глава Русской православной церкви... констатировал, что в законах о монетизации льгот “не реализованы принципы справедливости”, и потребовал “как можно быстрее дать людям положенное им по закону и по высшему, нравственному праву”» (Церковь открестилась от государства // Коммерсант. 2005. 14 января (<https://www.kommersant.ru/doc/538434> (дата обращения: 20.10.2022)).

39 Ходорковский М. Левый поворот // Ведомости. 2005. 1 августа (<https://lenta.ru/articles/2005/08/01/khodorkovsky/> (дата обращения: 20.10.2022)).

40 Ни сама «монетизация», ни вызванные ею протесты в Послании не были упомянуты.

41 Так формулировал понимание справедливости публицист Е. Холмогоров в заметке о Послании президента: «Проблема справедливости в современной России не в том, что люди хотят “широких и равных возможностей”, а в том, что они хотят вернуть свое, в то время как могущественные лица и корпорации это “свое” у них систематически отнимают» (Холмогоров Е. Послание резидента Российской Федерации (<http://viperson.ru/articles/egor-holmogorov-poslanie-rezidenta-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 20.10.2022)). Изначально было опубликовано на сайте «Агентства политических новостей» 29 апреля 2005 года.

ториального разделения постсоветского пространства, лишившего Россию ее «исторических земель». По существу, лозунг справедливости в этом понимании заключал в себе все элементы требования «национальной революции», которая сместила бы существующий «либеральный порядок», установив национальное государство «Россия для русских».

Именно на середину 2000-х годов приходится и начало «Русских маршей» (первый организован в 2005-м), публично артикулировавших эти лозунги. Одной из первых попыток их систематизации стал манифест «Русская правда» публициста Максима Брусиловского, объединявшего оба аспекта националистического понимания справедливости — убеждение, что «справедливость есть традиционный идеал русского народа», и заявление, что «разделение русского народа государственными границами является нетерпимым» [Брусиловский 2010].

Значительную роль в формировании представления о национально-специфической семантике справедливости сыграла РПЦ, активно развивавшая убеждение, что «справедливость» — это базовая ценность русского православия и русской политической и культурной традиции в целом. Если в «Основах социальной концепции» РПЦ, принятых в 2000 году, понятие справедливости еще раскрывалось в смысле общих идей христианского богословия о справедливой оплате труда, справедливой войне, справедливости в отношениях между народами⁴², то с середины 2000-х годов акцент делается на «базисные духовно-нравственные ценности» как основе русской национальной идентичности. В 2007 году РПЦ поддерживает разработку «Русской доктрины»⁴³ — консервативно-националистического проекта, утверждающего самобытность «русского мира» на принципах «духовного суверенитета» («самодержавие в цивилизационном смысле»), неотделимого от идеала «социальной правды»⁴⁴. А затем и сама принимает в 2011 году на XV Всемирном русском народном соборе меморандум «Базисные ценности — основа общенациональной идентичности», в котором на первом месте в списке ценностей фигурирует «справедливость», понимаемая как политическое и социальное равноправие, справедливое распределение плодов труда, достойное вознаграждение и справедливое наказание, должное место каждого человека в обществе, а нации — в системе международных отношений»⁴⁵.

Хотя упомянутый свод определений ничем не отличается ни от общехристианского (например, социального учения католической церкви), ни от политической семантики этого понятия, используемого в большинстве программ западных политических партий, тем не менее эта формулировка в меморандуме отчетливо направлена против «западной идеологии прав человека», в контексте противостояния с которой развивается убеждение, что справедливость — это специфическая ценность именно русского православия.

42 См.: Основы социальной концепции Русской православной церкви // <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 20.10.2022).

43 См.: Вступительное слово митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на соборных слушаниях по проекту «Русская доктрина» // <http://www.patriarchia.ru/db/text/283339.html> (дата обращения: 20.10.2022).

44 См. текст «Русской доктрины»: Кобяков А., Аверьянов В., Кучеренко В. (Максим Калашников) Русская доктрина («Сергиевский проект») // <http://www.rusdoctrina.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).

45 <http://www.patriarchia.ru/db/text/1496038.html> (дата обращения: 20.10.2022).

Этот клерикальный дискурс справедливости смыкается в первое десятилетие XXI века с академическим консерватизмом в общественных науках, активно развивавшим концепцию «русской цивилизации», постулирующей наличие некоей «особой чувствительности к справедливости» у русского народа. Не только популярные СМИ преподносили (и преподносят сейчас) регулярные заверения, что «понятие справедливости у русских в крови» и «оно — часть национального самосознания»⁴⁶. Современная академическая продукция также полнится многочисленными конструкциями «русской ментальности», в которых стереотипно воспроизводится убеждение в том, что справедливость является «фундаментальной ценностью» этой самой ментальности⁴⁷. В качестве почти единственного доказательства приводится, как правило, наличие якобы уникального слова «правда» в русском языке, объединяющего в себе значение «истины» и «справедливости» (ср., например: [Колесов 2004]). Этот тезис соединяется с идеями Н. Данилевского, «евразийцев» и Л. Гумилева о самобытной «русской цивилизации». Количество диссертаций, статей и монографий по философии, культурологии, религиоведению, опубликованных в 2000-х и 2010-х годах и посвященных раскрытию значения «правды» в русской культуре, с трудом поддается перечислению. При этом они содержат стандартный набор положений: тезис о противостоянии цивилизаций и критика «западной цивилизации», утверждение о наличии «русской духовности», постулирование спасительной роли веры и правды в эпоху бездуховности и постмодернизма и т.д.⁴⁸ Но тщетно искать в них анализа теорий справедливости или разработки самостоятельных концепций. Вместо этого воспроизводится снова и снова утверждение народнического публициста Н.К. Михайловского 1896 года об уникальности слова «правда» в русском языке⁴⁹.

Было бы несправедливо не упомянуть при рассмотрении дискурса справедливости в социальных науках те исследования, которые действительно посвящены концептуальной разработке этого понятия. Характерно, что такие исследования ориентируются на универсальный смысл справедливости и

46 Ср., например: *Михайлов А.* Возрождение России начнется со справедливости // Владивосток. 2007. 14 сентября. № 2209.

47 Ср.: Российско-китайская социологическая конференция в Санкт-Петербурге 23—25 июня 2004 года (Информация на сайте социологического факультета СПбГУ: <https://web.archive.org/web/20041214225227/http://www.soc.pu.ru/news/conf2004.shtml> (дата обращения: 20.10.2022) или: [Жукова 2004].

48 См.: *Бобылева Е.Ю.* Феномен правды как онтолого-аксиологическая доминанта русской культурной традиции: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2007; *Иванова В.В.* Правда в бытии человека: Автореф. дис. ... канд. философских наук. Омск, 2005. См. также: [Денисов 2001; Черников 2002].

49 Ср.: «Всякий раз, как мне приходит в голову слово “правда”, я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое» (*Михайловский Н.К.* Предисловие // Михайловский Н.К. Сочинения: В 6 т. Т. 1. СПб.: Издание редакции журнала «Русское богатство», 1896). Почти одновременно с Михайловским философ В.С. Соловьев утверждал, что связь слов «правда», «правота» и «право» как раз наоборот подтверждает универсальный общечеловеческий категорий справедливости и права (*Соловьев В.С.* Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 447). Но публицистическая фраза Михайловского льстила культурному самосознанию русской интеллигенции и превратилась в распространенный «мем».

развивают свои положения в диалоге с современными концепциями, а также учениями из истории социальной и политической философии (см., например: [Печерская 2000; Кашников 2004; Слюян 2009; Прокофьев 2013])⁵⁰. В них формируется «либеральный дискурс справедливости», вводящий российскую социальную науку в интернациональный контекст. Но они были и остаются точечными явлениями критической рефлексии на фоне медийных волн политическо-религиозного самовосхваления России как «цивилизации справедливости»⁵¹. Не они определяют тренд в публичном и академическом дискурсе справедливости.

«Национальный социализм» против «социального либерализма». Контуры нового нормативного конфликта

Эволюция семантики справедливости в публичном дискурсе последнего десятилетия все более демонстрирует признаки поляризации. Ключевым вопросом при этом является отношение к правовому государству и его институтам. На одном полюсе сближаются совершенно гетерогенные позиции национализма, неосоветского социализма и идеологии полицейского государства, отрицающие идею и практику правового государства. На другом — позиции, солидарные в представлении о «процедурной справедливости», заключенном в требованиях честных выборов, противодействия коррупции и справедливого суда⁵².

Первый полюс уместно обозначить термином «национальный социализм», поскольку он сплавляет семантику справедливости в смысле национальной исключительности с идеологией социального попечения полицейского государства.

Характерным примером такой идеологической смеси является концепция «нравственного государства», разрабатывавшаяся в мозговом Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, который опекал бывший путинский сподвижник, шеф российских железных дорог и по совместительству профессор факультета политологии МГУ В.И. Якунин. «Нравственное государство», авторство которого принадлежит идеологам центра С.С. Сулакшину и В.Э. Богдасаряну⁵³, определялась как модель госу-

50 Каталог диссертаций РГБ содержит 84 диссертации со словом «справедливость» в названии, защищенные в период с 2000 по 2010 год по специальностям «Философия», «Социология» и «Юриспруденция». С 2011 по 2020 год было защищено 53 подобных диссертации. В период с 1991 по 1999 год их было 38.

51 Ср.: *Вольнов В.Ю.* Россия как цивилизация справедливости // Агентство политических новостей. 2005. 15 апреля (текст в базе данных Integrum World Wide (<http://www.integrumworld.com/> (дата обращения: 20.10.2022)).

52 Термин «процедурная справедливость» отсылает к теории справедливости Дж. Ролза, хотя в российской публичной и академической дискуссии рецепция Ролза чрезвычайно малочисленна.

53 См.: Нравственное государство как императив государственной эволюции: Материалы Всероссийского науч. конф., 27 мая 2011 г. / Ред. С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, Ю.А. Захесова. М.: Научный эксперт, 2011; Нравственное государство. От теории к проекту / С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, Е.Г. Пономарева и др. М.: Наука и политика, 2015.

дарства, основанного на традиционных (духовных) ценностях и призванного сформировать у населения нравственные убеждения [Сулакшин 2011]. Первоначально возникшая в рамках государственного позитивизма эпохи «нулевых» как стратегия ценностной поддержки и легитимации существующего государственно-правового порядка, эта концепция эволюционировала в представление о специфическом русском идеале государства, который понимается как альтернатива западному правовому государству, представляющему собой угрозу российскому суверенитету: «Использование концепта правового государства в России исторически было направлено на подрыв традиционной модели российской государственности. Эту роль она выполняет и сегодня» [Багдасарян 2011: 96]. По существу, данная идея «нравственного государства» ничуть не оригинальна, а повторяет политическую концепцию евразийцев, разработавших в период между двух мировых войн идеал «государства правды» — модель идеократического государства, основанного на православии и русском образе справедливости как единства власти и веры⁵⁴, — противопоставленный либеральному правовому государству Запада. На эту евразийскую идею «государства правды» (*Gerechtigkeitsstaat*) сочувственно ссылался нацистский теоретик и юрист Карл Шмитт, разработавший собственную концепцию «тотального государства», которое должно прийти на смену правовому государству в результате национал-социалистической революции⁵⁵. Вполне обоснованно поэтому, что идеи Карла Шмитта получили распространение в среде окол властного академического консерватизма в университетах (ВШЭ, МГУ) и мозговых центрах (Изборский клуб, ФЭП, Институт национальных стратегий и др.), вложившихся в разработку идеологии полицейского государства в России и иных альтернатив правовому государству, среди которых «государство справедливости» или «нравственное государство» изображалось как подлинно русская модель справедливой власти⁵⁶.

Смычка публичного и академического дискурсов в социальных науках на полюсе «национально-социалистической» концепции справедливости хорошо заметна также и на примере интеллектуального сообщества журнала «Вопросы национализма», объединяющего на своей платформе как академических работников, так и политтехнологов и публицистов правого и ультраправого националистического спектра⁵⁷. Здесь уже открыто излагается программа «национального социализма», в исторической и актуальной политической перспективе — изоляция от западной цивилизации как способ сохранения рус-

54 *Шахматов М.В.* Государство правды. М.: ФондИВ, 2008 (первоначально текст был издан в виде статьи: *Шахматов М.В.* Государство правды: Опыт по истории государственных идеалов в России // *Евразийский временник*. Непериодическое издание. Кн. 4 / Под ред. П. Савицкого, П.П. Сувчинского и Н.С. Трубецкого. Берлин: Евраз. книгоизд-во, 1925. С. 268—304).

55 *Schmitt C.* Rechtsstaat (1935) // *Schmitt C.* Staat, Großraum, Nomos. Berlin, 1995. S. 108.

56 С. Сулакшин стал позднее также писать о «государстве справедливости», модифицируя собственную концепцию «нравственного государства». См.: *Сулакшин С.* Государство справедливости: постановка задачи (5 октября 2015 года) // <https://web.archive.org/web/20151205105827/http://rusrand.ru/science/gosudarstvo-spravedlivosti-postanovka-zadachi> (дата обращения: 20.10.2022).

57 К числу авторов и руководителей журнала принадлежали представители российского академического и околоакадемического национального социализма: К. Крылов, О. Кильдюшов, М. Колеров, А. Тесля, А. Савастьянов, С. Иванников, П. Святенков и др.

ской самобытности, разоблачение предательства элит, направивших Россию по ложному прозападному пути развития, и создание «диктатуры снизу», опирающейся на поддержку народных масс, производящей чистку элит от прозападных либералов и воплощающей исконный русский идеал социальной справедливости — самодержавной власти, распределяющей социальные блага согласно существующей иерархии⁵⁸. В общих чертах эта программа воспроизводит идеал диктатуры справедливости, обрисованный публицистом эпохи Ивана Грозного Иваном Пересветовым в середине XVI века⁵⁹.

Разработка этих концептуальных моделей диктатуры шла параллельно с процессом превращения политического режима в России из «диктатуры закона» просто в диктатуру, использующую закон как инструмент подавления всяких проявлений инакомыслия. Сам политический режим разрушил после 2012 года умеренно авторитарную модель государственного позитивизма, став инициатором национально-консервативной «революции справедливости»⁶⁰. Аннексия Крыма в 2014 году стала драйвером окончательного превращения «диктатуры закона» в «диктатуру справедливости»⁶¹. Причем оправдывалась она как раз соображениями «правды и справедливости» и исправлением «исторической несправедливости»⁶². С этого момента можно говорить об окончательном переходе режима к консервативной революции, имеющей целью утвердить идею русского «особого пути», легитимирующей произвол власти, которая творит беззаконие под лозунгом «вся сила в Правде». Основным концептом публичного дискурса становится «справедливость». Его использует власть, объявляя справедливость «базовой ценностью русской цивилизации»⁶³. Его использует церковь, провозглашая «Декларацию русской идентичности» с набором идеологических императивов «вера — справедливость — достоинство — солидарность — державность»⁶⁴. Его используют партийные политтехнологи, конструирующие подконтрольную Кремлю партию «Справедливая Россия — За правду». Его используют и академические правоведы, выдумывающие юридическую конструкцию под названием «крымское право», чтобы оправдать аргументами «восстановления исторической справедливости» нарушение фундаментальных принципов международного права⁶⁵.

58 См. тематический блок «Социализм и нация» (со статьями С. Иванникова и М. Колеров) и в особенности статью С. Иванникова «Россия и социализм XXI в.» [Иванников 2019].

59 О концепции «диктатуры правды» у Пересветова см.: [Алексеев 2003; Plaggenborg 2018].

60 См. выступление А. Проханова «Революция справедливости» на заседании Изборского клуба 9 июня 2015 года (<https://izborsk-club.ru/5754> (дата обращения: 20.10.2022)).

61 Об этой трансформации и об идее «справедливости без права», воплощаемой нынешним политическим режимом, см.: [Клямкин 2018].

62 См. «Крымскую речь» В. Путина 18 марта 2014 года: Обращение Президента Российской Федерации // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 20.10.2022).

63 Володин назвал базовые ценности россиян. 2017. 1 ноября // <https://ura.news/news/1052310924> (дата обращения: 20.10.2022).

64 Декларация русской идентичности. 2014. 12 ноября // <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html> (дата обращения: 20.10.2022).

65 Концепцию «крымского права» разрабатывает профессор юридического факультета МГУ В.А. Томсинов, см.: Томсинов В.А. «Крымское право», или Юридические основания воссоединения Крыма с Россией. М.: Зерцало-М, 2015.

Маятник дискурса справедливости совершил полный круг со времен перестройки. Он начался с провозглашения справедливости универсальной ценностью, преодолевающей границы национальных и классовых ограничений, которая должна стать основанием демократизации советского общества. И он завершается в наши дни, когда военная агрессия, аннексия чужих территорий и попрание всех правовых принципов объявляются «днем правды и справедливости», который демонстрирует господство партикулярных националистических интересов, отрицающих универсалистский смысл понятия справедливости⁶⁶.

Но семантическое поле справедливости все отчетливее демонстрирует контуры *нового нормативного конфликта*. Уже протесты 2011—2012 годов и позднейшие выступления оппозиции не просто выдвигали частные требования, но артикулировали альтернативную концепцию нормативного порядка, воплощенную в понимании «справедливости как честности», возвращающую этому понятию универсалистское измерение и связь с идеей правового государства. Вокруг этой концепции формируется новый полюс дискурса, который носит отчетливо социально-либеральный смысл. В нем объединяются достаточно разнородные лозунги и концепты, которые, однако, солидарны в том, что они выступают за демонтаж «диктатуры справедливости» и возвращение к «процедурной справедливости» социального правового государства — требование честных выборов, справедливого суда, гендерного равенства, отмены цензуры, преодоление коррупции и гарантий социальных прав⁶⁷. В какие формы этот полюс дискурса справедливости отоляется в теории и на практике, покажет будущее. Но нет сомнения в том, что он будет означать деконструкцию партикуляристских представлений о «самобытной цивилизации справедливости» и «особом пути России».

* * *

На примере понятия справедливости в его постсоветской истории мы можем конкретно изучать связь социальной теории и публичного дискурса в ситуации нормативных конфликтов. В начале и в конце постсоветского периода это понятие становится индикатором и фактором социальных конфликтов — оно не только рефлектирует политические дискурсы, но и формирует их, о чем свидетельствует поляризация универсалистской и партикуляристской семантик справедливости. Вместе с тем критический анализ истории понятия позволяет показать, что социальный миф о Советском Союзе как обществе «социальной справедливости» — это позднеперестроечная конструкция, выражавшая стремление изменить несправедливый характер советского режима. Историзируя и контекстуализируя эти мифы, история понятий осуществляет тем самым и критику дискурса, которая позволяет обществу добиться адекватного знания о себе.

66 Латухина К. Сегодня день правды и справедливости // Российская газета. 2022. 30 сентября (<https://rg.ru/2022/09/30/putin-vystupil-na-mitinge-koncerte-na-vasilevskom-spuske.html> (дата обращения: 20.10.2022)).

67 О спектре протестных движений и их лозунгах см.: [Год Навального 2021]. См. также концепцию «переходного правосудия», предусматривающую восстановление правового порядка и справедливости [Бобринский, Дмитриевский 2021].

Библиография / References

- [Алексеев 2003] — Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003.
(*Alekseev N.N. Russkiy narod i gosudarstvo. Moscow, 2003.*)
- [Багдасарян 2011] — Багдасарян В.Э. Неправовых государств не существует // Правовое государство: проблемы формирования и развития. Материалы постоянно действующего научного семинара. 2011. № 4 (42). С. 93—96.
(*Bagdasarjan V.E. Nepravovyykh gosudarstv ne sushchestvuet // Pravovoe gosudarstvo: problemy formirovaniya i razvitiya. Materialy postoyanno deystvuyushchego nauchnogo seminar. 2011. № 4 (42). S. 93—96.*)
- [Барабанов 2007] — Барабанов Е.В. Постсоветская художественная субъективность: Стратегия vs. рефлексия // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге / Под ред. Н.С. Плотникова, А. Хаардта при участии В.И. Молчанова. М.: Модест Колеров, 2007. С. 453—471.
(*Barabanov E.V. Postsovetskaya khudozhestvennaya sub'ektivnost': Strategiya vs. refleksiya // Personal'nost'. Yazyk filosofii v russko-nemetskom dialogue / Ed. by N.S. Plotnikova, A. Naardta, V.I. Molchanova. Moscow, 2007. P. 453—471.*)
- [Современный либерализм 1998] — Современный либерализм / Берлин И., Дворкин Р., Ролз Дж. и др.; пер. с англ., предисл. Л.Б. Макиевой. М.: Издательство ДИК, 1998.
(*Sovremennyy liberalizm / Berlin I., Dvorkin R., Rols J. et al. / Introduction by L.B. Makeeva. Moscow, 1998.*)
- [Бобринский, Дмитриевский 2021] — Бобринский Н.А., Дмитриевский С.М. Между мезью и забвением: концепция переходного правосудия для России: аналитический доклад. М., 2021 // <https://trjustice.ilpp.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).
(*Bobriniskij N.A., Dmitrievskij S.M. Mezhdumest'yu i zabveniem: kontseptsiya perekhodnogo pravosudiya dlya Rossii: analiticheskiy doklad. Moscow, 2021 // https://trjustice.ilpp.ru/ (accessed: 20.10.2022).*)
- [Брусиловский 2010] — Брусиловский М. Русская правда. Хартия прав и свобод русского народа // Вопросы национализма. 2010. № 2. С. 214—215.
(*Brusilovskij M. Russkaya pravda. Khartiya prav i svobod russkogo naroda // Voprosy natsionalizma. 2010. № 2. P. 214—215.*)
- [Год Навального 2021] — Год Навального. Политика протеста в России 2020—2021: стратегии, механизмы и последствия / Под ред. К. Рогова. М.: Либеральная миссия, 2021.
(*God Naval'nogo. Politika protesta v Rossii 2020—2021: strategii, mekhanizmy i posledstviya / Ed. by K. Rogov. Moscow, 2021.*)
- [Горбачев — Ельцин 1992] — Горбачев — Ельцин: 1500 дней политического противостояния / Сост. Л.Н. Доброхотов. М.: Терра, 1992.
(*Gorbachev — El'tsin: 1500 dney politicheskogo protivostoyaniya / Comp. by L.N. Dobrohotov. Moscow, 1992.*)
- [Гусейнов 2003] — Гусейнов Г.Ч. Д.С.П.: Материалы к русскому словарю общественно-политического языка конца XX века. М.: Три квадрата, 2003.
(*Gusejnov G.Ch. D.S.P.: Materialy k russkomu slovaryu obshchestvenno-politicheskogo yazyka kontsa XX veka. Moscow, 2003.*)
- [Давидович 1989] — Давидович В.Е. Социальная справедливость: идеал и принцип действия. М.: Политиздат, 1989.
(*Davidovich V.E. Sotsial'naya spravedlivost': ideal i printsip deystviya. Moscow, 1989.*)
- [Денисов 2001] — Денисов С.Ф. Жизненные и антропологические смыслы правды и неправды. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001.
(*Denisov S.F. Zhiznennye i antropologicheskie smysly pravdy i nepravdy. Omsk, 2001.*)
- [Заславская 1986] — Заславская Т.И. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13. С. 13—26.
(*Zaslavskaja T.I. Chelovecheskiy faktor razvitiya ekonomiki i sotsial'naya spravedlivost' // Kommunist. 1986. № 13. P. 13—26.*)
- [Иванников 2019] — Иванников С. Россия и социализм XXI в. // Вопросы национализма. 2019. № 1 (32). С. 3—74.
(*Ivannikov S. Rossiya i sotsializm XXI v. // Voprosy natsionalizma. 2019. № 1 (32). P. 3—74.*)
- [Кашников 2004] — Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2004.
(*Kashnikov B.N. Liberal'nye teorii spravedlivosti i politicheskaya praktika Rossii. Velikiy Novgorod, 2004.*)
- [Клямкин 2018] — Клямкин И.М. Какая дорога ведет к праву? М.: Мысль, 2018.
(*Kljamkin I.M. Kakaya doroga vedet k pravu? Moscow, 2018.*)
- [Колесов 2004] — Колесов В.В. Истинная правда // Колесов В.В. Слово и дело. Из исто-

- рии русских слов. СПб.: Изд-во С.-Перерб. ун-та, 2004. С. 522—537.
- (Kolesov V.V. Istinnaya pravda // Kolesov V.V. Slovo i delo. Iz istorii russkikh slov. Saint Petersburg, 2004. P. 522—537.)
- [Кукоба 2004] — *Кукоба О.А.* Доминанты российского национального менталитета // Вестник Воронежского государственного университета. 2004. № 2. С. 191—208.
- (Kukoba O.A. Dominanty rossiyskogo natsional'nogo mentaliteta // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. № 2. P. 191—208.)
- [Матузов 2001] — *Матузов Н.И.* Теория и практика прав личности // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 2001.
- (Matuzov N.I. Teoriya i praktika prav lichnosti // Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lektсий / Ed. by N.I. Matuzov, A.V. Mal'ko. Moscow, 2001.)
- [Медушевский 2014] — *Медушевский А.Н.* Российская правовая традиция — опора или преграда? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014.
- (Medushevskij A.N. Rossiyskaya pravovaya traditsiya — opora ili pregrada? Moscow, 2014.)
- [Менцель 2006] — *Менцель Б.* Гражданская война слов: литературная критика периода перестройки / Пер. с нем. Г.В. Снежинской. СПб.: Академический проект, 2006.
- (Menzel B. Bürgerkrieg um Worte: Die russische Literaturkritik der Perestrojka. Saint Petersburg, 2006. — In Russ.)
- [Общественная жизнь Ленинграда 2009] — *Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985—1991: Сб. материалов / Сост. О.Н. Ансберг, А.Д. Марголис.* СПб.: Серебряный век, 2009.
- (Obshchestvennaya zhizn' Leningrada v gody perestrojki. 1985—1991: Sb. materialov / Comp. by O.N. Ansberg, A.D. Margolis. Saint Petersburg, 2009.)
- [Печерская 2000] — *Печерская Н.В.* Справедливость: социальная аналитика и прагматика представлений: Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2000.
- (Pecherskaja N.V. Spravedlivost': sotsial'naya analitika i pragmatika predstavleniy: PhD thesis. Saint Petersburg, 2000.)
- [Плотников 2007] — *Плотников Н.С.* «Право на достойное существование»: к истории дискурса справедливости в русской мысли // Логос. 2007. № 5 (62). С. 111—133.
- (Plotnikov N.S. "Pravo na dostoynoye sushchestvovanie": k istorii diskursa spravedlivosti v russkoy mysli // Logos. 2007. № 5 (62). P. 111—133.)
- [Правда 2011] — «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / Ред. Н.С. Плотников. М.: Ключ-С, 2011.
- (“Pravda”: diskursy spravedlivosti v russkoy intellektual'noy istorii / Ed. by N.S. Plotnikov. Moscow, 2011.)
- [Прокофьев 2013] — *Прокофьев А.В.* Воздавать каждому должное...: введение в теорию справедливости. М.: Альфа-М, 2013.
- (Prokof'ev A.V. Vozdavay' kazhdomu dolzhnoe...: vvedenie v teoriyu spravedlivosti. Moscow, 2013.)
- [Проди 2017] — *Проди П.* История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права / Пер. с итал. И. Кушнарёвой; пер. с лат. А. Анполонова. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.
- (Prodi P. Una storia della giustizia. Dal pluralismo dei fori al moderno dualismo tra coscienza e diritto. Moscow, 2017. — In Russ.)
- [Россия сегодня 1991] — *Россия сегодня. Политический портрет в документах 1985—1990 / Ред. Б. Коваль.* М.: Международные отношения, 1991.
- (Rossiya segodnya. Politicheskij portret v dokumentakh 1985—1990 / Ed. by B. Koval'. Moscow, 1991.)
- [Руткевич 1986] — *Руткевич М.Н.* Социалистическая справедливость // Социологические исследования. 1986. № 3. С. 15—23.
- (Rutkevich M.N. Sotsialisticheskaya spravedlivost' // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1986. № 3. P. 15—23.)
- [Слоян 2009] — *Слоян Г.Г.* Коммуникативный дискурс справедливости: Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2009.
- (Slojan G.G. Kommunikativnyy diskurs spravedlivosti: PhD thesis. Saint Petersburg, 2009.)
- [Социализм 1988] — *Социализм: социальная справедливость и равенство / Отв. ред. А.П. Бутенко.* М.: Наука, 1988.
- (Sotsializm: sotsial'naya spravedlivost' i ravenstvo / Ed. by A.P. Butenko. Moscow, 1988.)
- [Сулакшин 2011] — *Сулакшин С.С.* На пороге нравственного государства // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. № 4. С. 98—103.
- (Sulakshin S.S. Na poroge npravstvennogo gosudarstva // Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2011. № 4. P. 98—103.)
- [Черников 2002] — *Черников М.В.* Философия правды в русской культуре. Воронеж: [Б.и.], 2002.
- (Chernikov M.V. Filosofiya pravdy v russkoy kul'ture. Voronezh, 2002.)

- [Frazer 2007] — *Frazer N. Abnormal Justice // Justice, Governance, Cosmopolitanism, and the Politics of Difference: Reconfigurations in a Transnational World / Ed. by A. Appiah. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin, 2007. P. 117—147.*
- [Koenen 2019] — *Koenen G. Gerechtigkeitsvorstellungen im Marxismus und Bolschewismus // Gerechtigkeit in Russland. Sprachen, Konzepte, Praktiken / Hrsg. von N. Plotnikov. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag, 2019. S. 187—200.*
- [Kuhr-Korolev 2015] — *Kuhr-Korolev C. Gerechtigkeit und Herrschaft. Von der Sowjetunion zum Neuen Russland. Paderborn: Wilhelm Fink; Ferdinand Schöningh, 2015.*
- [Kuhr-Korolev 2019] — *Kuhr-Korolev C. Gerechte Herrschaft'. Überlegungen zur Personalisierung von Herrschaft in Russland seit 1989 // Gerechtigkeit in Russland. Sprachen, Konzepte, Praktiken / Hrsg. von N. Plotnikov. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag, 2019. S. 393—422.*
- [Plaggenborg 2018] — *Plaggenborg S. Pravda: Gerechtigkeit, Herrschaft und sakrale Ordnung in Alt Russland. Paderborn: Fink, 2018.*